

ПРЕДМЕТЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Великъ и разнообразенъ Божій миръ: каждое мгновение въ немъ чередуются явленія, и непрерывною цѣпью слѣдуютъ одно за другимъ разнородныя событія. По-видимому, между ними нѣтъ ни связи, ни стройности. Измѣнчивость составляетъ видимый ихъ характеръ; непостоянство и отрывочность какъ бы господствуютъ повсюду; но въ дѣйствительности каждое изъ этихъ событій, каждое — даже ничтожное — явленіе въ мірѣ имѣетъ свое опредѣленное значеніе, свою заранѣе назначенную цѣль и свой кругъ дѣйствія. Не смотря на кажущуюся разрозненность, всѣ міровые и общественные факты связаны между собою тѣсною живою связью, образующею изъ вселенной одно органическое цѣлое. Въ этой-то связи явленій, въ ихъ взаимодействіи, и видна та высокая рука Провидѣнія, которая стройно и согласно направляетъ весь міръ къ его назначенію.

Если мы внимательно всмотримся во все, насъ окружающее, и подвергнемъ анализу факты даже ежедневной жизни, то легко убѣдимся, что ничто не происходитъ случайно: случай въ нашемъ языкѣ и понятіи предполагаетъ только еще неразгаданную причину событія и не откры-

тую связь его съ другими однородными или разнородными явлениями. На самомъ дѣлѣ — случая нѣтъ, и всѣмъ управляетъ строгая послѣдовательность.

Открытіе этой послѣдовательности и составляетъ задачу науки. Всегда спокойная и логическая, она вноситъ анализъ въ міръ явленій, критикой и сближеніемъ очищаетъ ихъ отъ чуждыхъ элементовъ, выводитъ изъ нихъ законы и передаетъ свои выводы практикѣ. Таково значеніе и ходъ всѣхъ наукъ, таково значеніе и политической экономіи. Она не предписываетъ правилъ для дѣятельности, не задаетъ уроковъ практикѣ, не беретъ на себя управленія и надзора за дѣйствительностію; она только изслѣдуетъ и старается осмыслить то, что недовольно понято и опѣнено въ обществѣ. Въ этомъ стремленіи наука идетъ притомъ постепенно: съ каждымъ вѣкомъ въ жизни человѣчества и съ каждымъ шагомъ его на пути развитія, она обогащается и раздвигаетъ болѣе и болѣе кругъ своего изслѣдованія, постоянно внося нѣчто новое въ прежнее сокровищницу человѣческихъ знаній. Оставаясь постоянно съ сущности одною, нераздѣльною, она дробится на части и вѣтви по роду новыхъ изслѣдованій: являются новыя ученія, новыя изысканія о тѣхъ сторонахъ міровой и общественной жизни, которыя прежде оставались неизслѣдованными. Такимъ образомъ развивалась и политическая экономія, вызванная потребностію вѣка и каждою человѣческаго ума. Задача ея изслѣдованій, хозяйственная дѣятельность человѣка со своими различными проявленіями, долгое время оставалась почти въ забвеніи. Смутаемые видящей безпорядочностію экономическихъ явленій, неуспѣшною, но часто неуловимою, заботою каждаго о благосостояніи, большая часть старинныхъ изслѣдова-

телей общественныхъ вопросовъ оставляли экономическую сторону ихъ безъ рѣшенія, или рѣшали, не стараясь проникнуть въ сущность и смыслъ самыхъ явленій, изъ которыхъ слагался хозяйственный порядокъ, а между тѣмъ, вопросы подобнаго рода стоили изслѣдованія.

При видимой дробности и малозначительности своей, экономическіе факты обнимаютъ огромную сферу, проникаютъ со всѣхъ сторонъ въ нашу жизнь, участвуютъ во всѣхъ явленіяхъ общественныхъ. Притомъ, они составляютъ интересное для наблюдателя зрѣлище: совершаясь въ разной формѣ, въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ побужденіямъ, они всѣ сходятся къ одному общему уровню, легко уловимому въ его главныхъ проявленіяхъ. Составляя, по-видимому, результатъ враждебныхъ столкновеній и противоположныхъ стремленій, они постоянно приходятъ къ согласію, къ сдѣлкамъ, всегда мирнымъ и выгоднымъ для всѣхъ. Въ этихъ дѣлахъ человѣческаго произвола едва-ли не существуетъ высшій поводъ удивляться той гармоніи и стройности, которою одарилъ Богъ свое твореніе. Легко понять, какъ неодушевленная природа подчиняется вѣковому порядку, двигающему въ ней свѣтила и вѣтры, производящему явленія электричества и магнетизма въ мѣрѣ, заранѣе указанной и опредѣленной; но нельзя не удивляться тому, что такой же порядокъ, такая же стройность и опредѣленность, такая же мѣра и «предѣлъ, его же не преидеши», существуетъ и въ тѣхъ явленіяхъ нашей дѣятельности, которыми мы доставляемъ себѣ пищу, одежду, наслажденія, которыми мы удовлетворяемъ нашимъ потребностямъ. Малѣйшее физическое дѣйствіе наше, самый ничтожный трудъ, всякое напряженіе ума нашего съ матеріальною цѣлію — совершается по точнымъ законамъ,

опредѣляется извѣстными внѣшними условіями чужой дѣятельности и постороннихъ вліяній. Самыя уклоненія совершаются не случайно: они зависятъ также отъ подобныхъ вліяній, и въ частномъ ходѣ своемъ слѣдуютъ тѣмъ же законамъ. Вездѣ стройность и величіе! Вездѣ пища поэтическому чувству и благородному взгляду на вещи!

Въ гармоническомъ теченіи вещей — нѣтъ мѣста для узкаго возрѣнія и мелочныхъ интересовъ. Наука освѣщаетъ темныя стороны предразсудковъ въ ихъ наготѣ: предъ факеломъ ея блекнутъ парадоксы невѣжества и опрометчиваго сужденія. Съ ея свѣтомъ мы не встрѣчаемъ ни безпорядка, какъ общаго правила, ни бездѣлья, какъ выгоднаго способа къ жизни. Честный трудъ, строгіи порядокъ, постоянное изощреніе своихъ способностей, — вотъ гдѣ источники богатства отдѣльныхъ лицъ и счастья народовъ. Вражда и ненависть не находятъ мѣста въ этой сферѣ, какъ нѣтъ ея въ нормальной природѣ человѣка! Такова цѣль нашей науки, таково послѣднее слово ея; но все это она высказала не вдругъ, а дошла до того длиннымъ путемъ. Путь этотъ отчасти высказался въ ея опредѣленіяхъ (1).

Опредѣленіе науки вообще имѣетъ важное значеніе: оно указываетъ предметъ и предѣлы ея изслѣдованій, и одно простое измѣненіе въ немъ можетъ дать иногда особый характеръ цѣлому изложенію знанія, равно какъ малѣйшая погрѣшность въ немъ можетъ лишить достоинства самую систему. Такая важность опредѣленія еще зна-

(1) *Eschenmaier*: Ueber das formelle Princip der Staatswirthschaft, als Wissenschaft und Lehre. Heid. 1813. 8. — Статья: *Economie politique* К. Поклена въ Dict. de l'ecôn. polit., Парижскаго изданія, стр. 643 и слѣд. 1-ой части, и статьи *J. Гарнье* и другихъ въ *Journal des économistes*.

чительнѣе въ тѣхъ наукахъ, которыя, въ слѣдствіе недавняго своего образованія, не успѣли еще принять окончательной формы, и которыя представляются отчасти какъ бы въ хаотическомъ состояніи; а такова именно политическая экономія. Въ ней необходимо точно и вѣрно обозначить предметъ изслѣдованій, чтобы не отвлекаться отъ главной ея цѣли. Но, при важности опредѣленія, оно въ этой, какъ и въ другихъ недавно образовавшихся наукахъ, представляется дѣломъ большой трудности; по этому не удивительно, что въ сочиненіяхъ даже даровитыхъ писателей по политической экономіи легко можно встрѣтить неправильность опредѣленія и иногда несообразность его съ содержаніемъ науки. Самое названіе ея много содѣйствуетъ такому положенію дѣла. Немногіе писатели имѣли довольно самостоятельности и таланта, чтобы понять случайность имени, а не считать его значенія ограничивающимъ содержаніе науки. Большая часть, напротивъ, полагали необходимымъ условіемъ правильности опредѣленія сообразность его съ значеніемъ названія науки, какъ будто геометръ обязанъ заниматься исключительно измѣреніемъ земли, или химикъ долженъ имѣть въ виду только имя своей науки? (2).

Слово: *экономія* — древнее, *политика* — также, но древніе не знали выраженія: политическая экономія. Въ первый разъ названіе это явилось на Французскомъ языкѣ, въ книгѣ *Антоня Монкретьена de Ватвиля*, изданной въ 1615 году, подъ заглавіемъ: *Traicté de l'economie politique*; но этотъ писатель, какъ въ послѣдствіи и *Ж.-Ж. Руссо*, упо-

(2) *J. Garnier*: De l'origine et de la filiation du mot économie politique et des divers autres noms donnés à la science économique въ *Journal des Economistes*, 1832, Juillet et Août.

требляя слова: *политическая экономія* въ смыслѣ нравственнаго управленія или политики. Нѣкоторые изъ древнихъ называли экономическую науку *хрематистикой*.

Для устранения сбивчивости въ понятіи о предметѣ въ слѣдствіе нелогичности названія науки, многіе изъ новыхъ писателей хотѣли замѣнить общеупотребительное названіе другими, болѣе сообразными съ самымъ содержаниемъ науки: такъ вмѣсто политической экономіи ее называютъ *общественной экономіей* (*économie sociale*), *публичною экономіей* (*écon. publique*), *плутономіей*, *хризономіей*, *народной или національной экономіей* (*Nationalöconomie*) (3), наукой о народномъ хозяйствѣ (*Volkswirtschaftslehre*), наукой о трудѣ (*Betriebsamkeitslehre*). Большая часть этихъ названій, впрочемъ, также мало сообразна съ истиннымъ содержаніемъ науки, какъ и названіе политической экономіи; а потому мы и оставимъ уже освященное полувѣковымъ употребленіемъ имя ея, тѣмъ болѣе, что для насъ важно не названіе, а содержаніе науки. Содержаніе это мы съ трудомъ можемъ ясно усвоить себѣ изъ опредѣленій науки, даваемыхъ ей различными писателями экономическими. Опредѣленія эти часто рѣзко отличаются одно отъ другаго, описывая совершенно иной кругъ понятій, и указывая по-видимому совершенно на иное содержаніе, хотя въ то же время у всѣхъ почти экономистовъ мы видимъ фамиліное сходство въ изложеніи предмета, общаго для всѣхъ. Для лучшаго уразумѣнія опредѣленій, впрочемъ, необходимо показать значеніе каждаго изъ нихъ, и указать на общее, существенное въ главныхъ, употребляемыхъ въ настоящее время.

(3) Еще до Фр. Анета называли такъ нашу науку *Оберндорфъ*: *System der Nationalöconomie*. Landsh. 1822.

Первые писатели по политической экономіи не давали опредѣленія нашей наукѣ. Они предполагали содержаніе ея извѣстнымъ, представляя ее наукою о правительственномъ государственномъ хозяйствѣ. Никто не старался дать болѣе подробнаго отчета въ этомъ; и даже основатель современной политико-экономической теоріи, Шотландецъ *Адамъ Смитъ* не даетъ ей научнаго опредѣленія. Онъ указываетъ только на предметы, которые она имѣетъ въ виду, и которые, по его мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) доставленіе достаточнаго дохода или содержанія для народа, и 2) доставленіе такого же дохода для государства, т. е. *обогащеніе народа и правительства* (4). Это описаніе сначала было принимаемо за опредѣленіе, и послужило поводомъ къ раздѣленію науки: на науку о государственномъ хозяйствѣ и науку о финансахъ (5). Ал. Смитъ, какъ можно полагать, былъ наведенъ на такое опредѣленіе понятіемъ о политической экономіи, высказаннымъ Кёве (*Quesnay*), который называлъ ее истинною наукою правительства, *искусствомъ дѣлать людей счастливыми* (6).

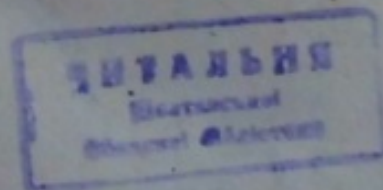
Долго еще послѣ него описаніе предмета занимало мѣсто опредѣленія въ политической экономіи (7); но, при

(4) Political economy, considered as a branch of the sciences of a statesman or legislator, proposes two distinct objects: *first*, to provide a plentiful revenue, or subsistence for the people, or more properly to enable them to provide such a revenue, or subsistence for themselves, and *secondly*, to supply the state or commonwealth with a revenue sufficient for the public services. It proposes to enrich both, the people and the sovereign.

(5) *Ch. J. Kraus*: *Staatswirtschaft*. Bresl. 1837. 8.

(6) *La véritable science du gouvernement, l'art de rendre les hommes heureux*.

(7) Такъ Шюцъ въ своихъ *Grundsätze der Nationalöconomie* (Tub. 1843) видитъ цѣль и предметъ политической экономіи въ представленіи

постепенномъ развитіи науки, такое недостаточное и невѣрное описаніе научнаго содержанія не могло удовлетворить позднѣйшихъ изслѣдователей. Другія требованія вѣка породили и новыя опредѣленія, болѣе отчетливыя и болѣе точныя. Эти опредѣленія можно раздѣлить на два разряда: одни поставляютъ предметомъ науки *богатство*, другія — *благосостояніе*. Изъ нихъ наиболѣе распространено первое, выраженное слѣдующимъ образомъ въ трактатѣ о политической экономіи *Н. Бант. Сэя* (J.-B. Say), изданномъ въ 1805 году: *Политическая экономія есть наука, показывающая, какъ образуется, распределяется и потребляется богатство* (L'économie politique est la science, qui montre, comment la richesse se forme, se distribue et se consomme). Въ слѣдующемъ сочиненіи своемъ (курсъ) самъ Сэй однако отказался отъ этого опредѣленія, признавалъ его недостаточность; но тѣмъ не менѣе оно осталось едва-ли не самымъ употребительнымъ; и притомъ, послѣдующіе писатели, принимавшіе его, не дѣлали въ немъ почти никакого измѣненія, кромѣ замѣны однихъ словъ другими тождественными. Такова наприм. слѣдующая редакція этого опредѣленія, слѣзанная Мекъ-Коллюхомъ, которую можно считать едва-ли не лучшею въ этомъ родѣ, какъ представляющею наиболѣе научнаго элемента: *Политическая экономія есть наука о законахъ, опредѣляющихъ производство, распределеніе и потребленіе предметовъ или произведеній, имѣющихъ мнговую цѣнность и въ то же время необходимыхъ, полезныхъ или пріятныхъ для людей* (8).

органическаго развитія и разчлененія народнаго хозяйства самого въ себя и въ своемъ направленіи во внѣшности.»

(8) Political economy is the science of the laws, which regulate the production, distribution and consumption of the articles or products, which

Кромѣ недостатка ясности и точности въ этихъ опредѣленіяхъ, нельзя не видѣть съ одной стороны неправильнаго очерченія предѣловъ науки, съ другой — излишняго многословія, и наконецъ можно прибавить — невѣрнаго вычисленія фазовъ богатства, могущихъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія потому, что потребленіе есть не болѣе, какъ моментъ уничтоженія, и, какъ такой, не можетъ быть излагаемъ въ наукѣ.

Не смотря на эти недостатки, опредѣленія сего рода безспорно имѣютъ то достоинство, что они гораздо болѣе приближаются къ истинному, нежели тѣ, которыя главнымъ предметомъ нашей науки полагаютъ *благосостояніе*, и которыя принимаются многими Французскими писателями, какъ-то: Сисмонди, Вильневомъ-Баржмономъ, Дрозомъ и др. Вотъ напр. опредѣленіе Сисмонди: *Политическая экономія есть изслѣдованіе о средствахъ, которыми наибольшее число людей въ данномъ государствѣ можетъ участвовать въ наибольшей степени физическаго благосостоянія, зависящаго отъ правительства* (9).

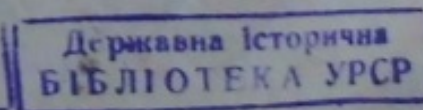
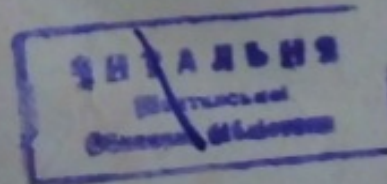
Дрозъ опредѣляетъ ее наукою, имѣющею цѣлью *сдѣлать благосостояніе возможно общимъ* (10). Видаль (De la repartition des richesses. Paris, 1846) опредѣляетъ политическую экономію наукою, *научающею способу устройства промышленности и распределенія богатствъ сообразно началамъ всеобщей пользы и справедливости надѣла* (11).

have exchangeable value, and are, at the same time, necessary, useful or agreeable to men.

(9) L'économie politique est la recherche des moyens par lesquels le plus grand nombre d'hommes, dans un état donné, peut participer au plus haut degré de bien-être physique qui depend du gouvernement.

(10) . . . de rendre l'aisance aussi général que possible.

(11) La science qui enseigne, comment il faut organiser l'industrie et repartir les richesses conformément aux principes de l'utilité générale et de la justice distributive.

Всѣ эти опредѣленія чрезвычайно близко подходят къ описанію научной цѣли, представленному Смитомъ; но, не смотря на то, они не соответствуют истинному содержанию науки. Если строго ихъ придерживаться, то наука потеряетъ свой высокій характеръ и сдѣлается простымъ искусствомъ. Въмѣсто открытія законовъ, управляющихъ движениемъ достатковъ, она должна будетъ представлять системы общественного устройства и указывать средства, могущія служить для достиженія народнаго благосостоянія, въ дѣйствительности которыхъ рѣдко можно быть вполнѣ увѣрену. Къ сожалѣнію, наука у многихъ писателей приняла именно такой характеръ. Нѣкоторые (наприм. *Neuber* въ *Economie sociale et politique*, Paris, 1842), даже опредѣляютъ ее искусствомъ. Этому-то направлению мы обязаны порожденіемъ странныхъ и несбыточныхъ теорій, и разладницею мнимой науки съ дѣйствительностію, отъ которой никакое знаніе не должно отдѣляться подъ опасеніемъ сдѣлаться бесплоднымъ.

Еще одно замѣчаніе мы должны сдѣлать противъ такого рода опредѣленій. Въ нихъ политическая экономія необходимо сталкивается съ идеей государства, восторженной для нея при ея рациональномъ изложеніи. Идея государства находится внѣ области политической экономіи, почти такъ же, какъ и внѣ области физики: экономическіе законы проявляются во всей своей силѣ вездѣ, гдѣ существуетъ трудъ и мѣна, слѣдовательно и въ тѣхъ обществахъ, которая не достигли развитія государственнаго, равно какъ и въ тѣхъ, которыя представляютъ наивысшее въ настоящее время осуществленіе идеи политическаго гѣла: Бедуины, Индѣецъ, Готтентотъ также точно подчиняются этимъ законамъ, какъ и Европеецъ. Начала хозяй-

ства обязательны вездѣ, гдѣ есть цѣнности и гдѣ существуетъ разумная дѣятельность, и ограничивать объемъ науки одними явленіями, совершающимися въ обществахъ, наиболее развитыхъ, значить не понимать ея значенія и прибѣгать къ произволу тамъ, гдѣ онъ не долженъ быть.

Еще вреднѣе для развитія науки дѣлаться судьею государственныхъ мѣръ и правительственныхъ распоряженій. Наука не должна принимать на себя такой роли уже потому, что всѣ вопросы государственные могутъ разсматриваться въ ней только одностороннимъ образомъ; живая дѣйствительность, напротивъ, требуетъ всесторонняго изслѣдованія предмета, чего не можетъ представить ни одно знаніе, отдѣльно взятое. Кромѣ матеріальнаго благосостоянія, государство имѣетъ еще другія условія, удовлетвореніе которыхъ столько же составляетъ цѣль его образованія и существованія, какъ и матеріальное потребленіе.

На раду съ указанными нами опредѣленіями въ ученой литературѣ мы можемъ открыть еще нѣкій рядъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ примиренія противоположныхъ взглядовъ. Такъ нѣкоторые, преимущественно Нѣмецкіе писатели (*Ray, Loetz* и мн. др.), увлекаясь ложнымъ понятіемъ о полнотѣ и значеніи науки, сдѣлались въ своемъ изложеніи слить понятія о богатствѣ и благосостояніи въ одно опредѣленіе. *Шторцъ*, въ своихъ чтеніяхъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ, пошелъ еще далѣе, включивъ въ область политической экономіи и теорію просвѣщенія, какъ невещественнаго производства. У него политическая экономія есть наука, опредѣляющая (*qui detertermine*) благосостояніе (*prosperité*) народовъ, т. е. илѣ цивилизацію и илѣ богатство.

Не отрицая остроумія такого рода опредѣленій, нельзя не замѣтить ихъ невлѣрности. Главный недостатокъ ихъ состоитъ въ томъ, что наука является у нихъ съ двойственнымъ содержаніемъ и съ двумя точками возрѣнія. Богатство и благосостояніе не могутъ быть ученымъ образомъ налагаемы въ предѣлахъ одного и того же знанія. Они также различны, какъ различны предметы физики и физиологіи. Соединять ихъ вмѣстѣ, значитъ не вникнуть въ сущность ни того, ни другаго понятія, и вмѣсто ясности усиливать темноту въ наукѣ; а это, разумѣется, не составляетъ ученой заслуги.

Мысль объ этой двойственности содержанія не была отчетливо высказана почти ни однимъ изъ писателей по политической экономіи, пользующихся авторитетомъ; но мы можемъ встрѣтить ее въ тѣхъ немногихъ современныхъ сочиненіяхъ, которыя, не увлекаясь чужимъ вліяніемъ, и наученные опытомъ, стараются дать знанію своеобразное содержаніе и освободить его отъ наростовъ, съ теченіемъ времени образовавшихся на немъ въ слѣдствіе неопытности дѣятелей, ученаго застоя или схоластическаго фанатизма. Къ такимъ сочиненіямъ относятся нѣкоторыя въ Англійской и немногія во Французской литературѣ. Не доверяя опредѣленіямъ, они вообще избѣгаютъ ихъ, и ограничиваются только простымъ указаніемъ на предметъ изслѣдованій науки. Политическая экономія у нихъ есть или *теорія труда и услугъ*, или *теорія богатства*, или *теорія цѣнностей*, или *теорія мѣны*, или *теорія производства*. Всѣ эти названія означаютъ почти одно и то же. Если мы захотимъ выбрать изъ нихъ наиболее приличное наукѣ, то должны остановиться на названіи: *теорія цѣнности*, какъ наиболее научномъ, а потому наиболее

точною, тѣтъ болѣе, что политическая экономія имѣеть въ виду не самыя конкретныя вещи (которыя мы называемъ собственно богатствомъ) и не самыя силы людей (что мы называемъ трудомъ), а только одно свойство вещей, — *стоимость*, и только одно проявленіе дѣятельности нашей — *производительность*. Такимъ образомъ выраженіе: *теорія цѣнности* довольно ясно опредѣляетъ кругъ изслѣдованій науки и изъ него мы можемъ развить полное опредѣленіе ея, которое можетъ быть наприимѣръ слѣдующее: *политическая экономія есть систематическое изложеніе тѣхъ естественныхъ законовъ, которымъ слѣдуютъ цѣнности въ своемъ проявленіи*.

Таковы, въ краткомъ очеркѣ, господствующія понятія о нашей наукѣ, ея главный характеръ и ея главное содержаніе. Стоитъ раскрыть любое полное сочиненіе по политической экономіи, и каждый неизбѣжно найдетъ въ немъ трактатъ о цѣностяхъ, рѣчь о богатствѣ, указаніе на главные фазы, проходимыя имъ въ обществѣ, и на ихъ значеніе въ отношеніи къ дальнѣйшему производству. Вездѣ это составляетъ необходимую часть изложенія, тогда какъ другіе предметы иногда входятъ въ кругъ его, а иногда остаются внѣ предѣловъ науки. При томъ они обыкновенно составляютъ только приложение основныхъ началъ.

Въ ряду другихъ наукъ значеніе политической экономіи ясно и опредѣленно: это наука теоретическая, построенная на наблюденіяхъ и опирающаяся на опытъ. Она открываетъ общія начала, главные причины, дѣйствующія въ трудѣ, показываетъ ихъ взаимодѣйствіе, объясняетъ ихъ проявленія, и результаты своихъ изслѣдованій передаетъ обществу; но, еще разъ повторяемъ, не ея дѣло

предписывать правила, составлять руководства для частных случаев и т. п. Это дело приложения.

По новости своего появления и отчасти по оригинальности своей задачи, политическая экономия стоит как бы отдельно от других наук и только, может быть, в будущем время, дальнейшим развитием статистики и образованием нового знания о тех сторонах общественной жизни, которых еще не коснулся ученый анализ, доставит ей сферу родственных наук, развитие которых будет обуславливать ее развитие. В настоящее время она, по мнению Коклена, должна быть причислена к естественной истории человека, разбирая и исследуя законы труда и построения общественного; но такое сближение ее с естественными науками отзывается натяжкой и не может быть принято в серьезное изложение науки. Разумеется, политическая экономия соприкасается и с отделом естественной истории, как и с областью наук математических или философией; но это показывает не более, как взаимную связь мировых явлений и глубокое единство разнотившагося знания нашего о природе, и не может поставить ее в ряды с естественными науками.

Некоторые Немецкие писатели причисляют ее к разряду наук камеральных. Название это известно, кроме нашего отечества, только в Германии, где оно произошло от слова Rent-kammer, что можно перевести словом: казначейство. Подъ именем камеральных разумется там науки, имющія в виду представить настоящее состояние и выгоднейший способ работы по различным отраслям хозяйства, почему их называют еще и науками хозяйственными. Къ нимъ относятъ, кроме политической экономии: сельское хозяйство, технологию, науку

о торговле, лесоводство и горное искусство, также правила охоты и рыбной ловли. Все эти знания, спеціальныя и чисто-практическія, доселѣ не соединены съ политическою экономіею никакою внутреннею связью, и многіе даже изъ Немецкихъ писателей, какъ напр. Лоцъ (Handb. d. Staatswirthsch. I ч. стр. 5), вооружаются противъ соединенія съ ними политической экономіи въ одно цѣлое, приписывая это еще тому времени, когда наука политической экономіи находилась въ дѣтскомъ возрастѣ, и ограничивалась однимъ государственнымъ хозяйствомъ. Въ литературахъ Англійской и Французской, наиболѣ замѣчательныхъ по нашему предмету, самое названіе камералистики неизвѣстно, — что не мѣшаетъ ихъ развитію.

Отличіе политической экономіи отъ собственно техническихъ наукъ видятъ обыкновенно въ томъ, что тѣ разсматриваютъ разныя части хозяйства отдѣльно и спеціально, а политическая экономія говоритъ о нихъ вообще, т. е. что политическая экономія изслѣдуетъ общіе законы развитія производства, обязательные для каждой частной спеціальной дѣятельности, а техническія науки указываютъ на способъ примѣненія этихъ законовъ сообразно извѣстной цѣли. Понятіе о цѣности дѣлаетъ еще болѣе рѣзкимъ различіе между политической экономіею и техническими науками. Эти имѣютъ въ виду измѣненіе вещества вообще, а политическая экономія обращаетъ вниманіе только на одно свойство его, или, лучше сказать, на одно положеніе его — цѣнность. Правда, въ обоихъ случаяхъ говорится о трудѣ; но техника разсматриваетъ его приемы, а политическая экономія — его законы и отношенія. Оттого выраженіе: экономическое производство отлично отъ слова техни-

ческое производство. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы познаніе технико-камеральныхъ наукъ не было полезно для политика-эконома: онѣ доставляютъ ему матеріалъ для изслѣдованій, объясняютъ ему характеръ практической дѣятельности и показываютъ примѣненіе общихъ законовъ производства къ частной цѣли его. Но познаніе это должно предшествовать ея изученію, а не сливаться съ нимъ.

Стоя отдѣльно отъ наукъ техническихъ, политическая экономія не должна быть причисляема и къ наукамъ нравственнымъ. Ея положенія не противорѣчатъ нравственности, но имѣютъ иную исходную точку и иную основу; слѣдовательно ошибаются тѣ, которые соединяютъ ихъ воедино (12).

Отношеніе науки нашей къ праву также совершенно ясно, если мы усвоимъ себѣ правильный взглядъ на нее. Излагая естественные законы матеріальнаго производства, она объясняетъ существующее, какъ фактъ, какъ продуктъ извѣстныхъ обстоятельствъ, проявленіе извѣстныхъ законовъ, не обращая вниманія на его отношеніе къ идеѣ юридической справедливости, или высшаго правосудія. Она объясняетъ, почему извѣстныя явленія совершаются такъ, или иначе, какія слѣдствія изъ этого произойдутъ въ отношеніи къ дальнѣйшему развитію частнаго богатства или промышленности общественной; но оставляетъ праву рѣшать, какое нравственное значеніе имѣетъ это явленіе, и должно ли бы оно было быть, или нѣтъ. Политическая экономія касается области необходимаго и дѣйствительнаго, право — области дѣйствительнаго и возможнаго. Политическая экономія показываетъ, какъ дѣйствуетъ трудъ въ

(12) Maurice Aubry: Théorie et pratique ou union de l'économie politique avec la morale. Paris, 1851, in-12.

производствѣ, какими средствами онъ достигаетъ своей цѣли, какое значеніе онъ имѣетъ въ отношеніи къ образованію богатства, воплѣти имѣ обусловливаемого, и только. Праву предоставляется она судить о той степени стѣсненія или развитія, которая должна быть предоставлена труду, о тѣхъ учрежденіяхъ, съ которыми онъ долженъ быть приведенъ въ связь; и оно уже опредѣляетъ въ согласіи съ началами экономическими самыя формы этихъ учреждений. Политическая экономія наприм. опредѣляетъ характеръ и значеніе бережливости, какъ осуществленія начала соединенія труда, капитализаціи; въ этомъ началѣ указываетъ первый зародышъ промышленности, первое явленіе производства, безъ него невозможнаго, — первый матеріалъ, изъ котораго путемъ разложенія труда вырабатываются высшія цѣнности. Праву предоставляется она обесудить нравственный характеръ бережливости, степень ея подчиненія чужому надзору, степень обязательности заботы о ней и наконецъ ему предоставляетъ она открытіе учреждений, способствующихъ ея развитію, каковы: сберегательныя кассы и т. п.

Изъ этихъ наглядныхъ примѣровъ можно видѣть все разстояніе, отдѣляющее политическую экономію отъ наукъ, упомянутыхъ нами. Съ одной стороны, она ближе къ дѣйствительности, которую одну она и имѣетъ въ виду, съ другой стороны — она далѣе отъ частныхъ, отъ конкретныхъ предметовъ, которыми тѣ науки специально занимаются.

Тѣмъ не менѣе ея выводы и начала не должны, и не могутъ противорѣчить началамъ другаго порядка, напр. нравственности и здравой политикѣ, на ней основанной: открывая естественные законы производства, она наприм.

тивъ того облегчаетъ успѣхъ всѣхъ практическихъ мѣръ, вѣрно предпринятыхъ и проведенныхъ.

Нечего и говорить, что въ такой формѣ своей она должна быть согласна со всѣми святыми убѣжденіями нашими, научая насъ узнавать всю мудрость Провидѣнія, представляющагося *окончательною* причиною того порядка вещей, *дѣйствующую* причину котораго изслѣдуетъ наука, какъ это прекрасно указалъ одинъ изъ новыхъ экономистовъ (13).

Что касается до другихъ наукъ, то изъ нихъ каждая, болѣе или менѣе, можетъ содѣйствовать успѣхамъ политической экономіи. Такъ исторія и статистика доставляютъ ей матеріалы для изслѣдованій, естественныя науки знакомятъ ее ближе съ методамъ изложенія, математика — съ приѣмами доказательствъ и пр.; однимъ словомъ, будучи отдѣльною наукой, политическая экономія не лишена связи и сродства съ другими знаніями.

И. ВЕРНАДСКІЙ.

(13) *J. Chr. Rinne: Beiträge zur weiteren Ausbildung der Nationalökonomie. I pz. 1853.*